

К.В. Чистов. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб.: “Дмитрий Буланин”, 2003.

Выход нового, значительно дополненного издания монографии К.В. Чистова – одного из виднейших отечественных этнологов и фольклористов – важное для российской науки событие. В своем первоначальном виде данная монография была издана более тридцати лет назад – в 1967 г. Немногие научные работы выдерживают подобную “проверку временем”. Что касается исследования К.В. Чистова, то нет никакого сомнения, что оно нисколько не устарело и продолжает иметь большое научное значение не только в контексте специальной проблематики монографии, но и в отношении широкого круга общих вопросов этнологии и фольклористики. Напомним, что сравнительно недавно – в 1998 г. – книга К.В. Чистова была издана и в переводе на немецкий язык.

В русской фольклористике термин “легенда” долгое время оставался, так сказать, “бедным родственником”. Вопросы классификации “несказочной фольклорной прозы” вообще не очень хорошо разработаны в отечественной науке. В этом контексте теория легенды, предложенная К.В. Чистовым, представляется чрезвычайно важной и по-прежнему обладающей значительным эвристическим потенциалом. Согласно исследователю, под легендами, во-первых, следует понимать устные рассказы “о событиях или явлениях, которые воспринимались исполнителями как продолжающиеся в современности”, и, во-вторых, не отдельные отдельные тексты, а группы формально различающихся рассказов, находящихся в динамической связи с одним и тем же сюжетом, мотивом, представлением и т. п.

Исследуя формы бытования несказочной фольклорной прозы, К.В. Чистов пришел к выводу, что то или иное “религиозное”, “мифологическое”, “утопическое” и т.п. представление, распространенное в крестьянской культуре, может актуализироваться в двух типах текстов: “материнском” рассказе, излагающем само это представление или связанный с ним объяснительный сюжет (сюжеты) (скажем, что такое затонувший в озере Светлояр город Китеж, а также – почему город Китеж утонул в озере Светлояр), и динамических “дочерних” рассказах, “в которых изображаются дополнительные или новые эпизоды или просто свежие известия или толки о явлении, уже знакомом слушателю” (например о том, что кто-то из односельчан слышал звон колоколов подводного города или не смог достичь Китежа, поскольку, забыв о запрете, оглянулся). «...Первые два вида передачи (изложение самого представления или связанного с ним объяснительного сюжета), – отмечает К.В. Чистов, – имеют главным образом экзотерический характер, т.е. применяются рассказчиками при общении со слушателями, не знакомыми с системами представлений, с которыми связаны эти рассказы, – новичками в данной местности, представителями иных социальных групп, детьми и т.д. (и, между прочим, фольклористами). Динамические сюжеты или “дочерние рассказы” имеют, в отличие от этого, как правило, экзотерический характер, т.е. бытуют в среде, являющейся коллективным носителем той системы представлений, которая их порождает. Именно они и являются наиболее распространенным типом устного рассказа несказочного характера. В морфологическом отношении “дочерние рассказы” могут быть в зависимости от обстоятельности и “слухами и толками”, и мемуарами, и фабулатами».

Развивая идею К.В. Чистова, можно, таким образом, сказать, что легенда – это динамическая группа фольклорных текстов, находящихся в “интерпретативном” соотношении с “материнским” представлением или сюжетом. Более того, вполне возможны случаи, когда “исходное” представление полностью виртуализуется и существует лишь как сумма интерпретаций. В такой ситуации экспликация этого представления производится даже не носителем культуры в ситуации экзотерической коммуникации, а “интерпретатором второго порядка”, т.е., как правило, фольклористом. В этом контексте важно иметь в виду два дополнительных обстоятельства. Внутренняя морфология легенды будет существенно различаться в синхронном и диахронном аспекте. В первом случае мы наблюдаем группу различных текстов-интерпретаций, общая сумма которых соотносится с некоторым эксплицируемым либо не эксплицируемым представлением или сюжетом. При синхронном анализе нас занимает не столько историко-генетический аспект функционирования легенды (хотя его тоже стоит иметь в виду), сколько внутренняя логика и социальная прагматика интерпретативных моделей. Такой подход будет основываться на популярном в западной антропологии 1960-х–1970-х годов “этногерменевтическом” подходе, уделяющем первостепенное внимание внутренней логике изучаемой культуры.

В случае диахронного анализа легенды, понимаемой как динамическая совокупность текстов-интерпретаций, мы получаем иную картину: разнообразные тексты, воспроизводящие и/или интерпретирующие тот или иной сюжет, представление и т.п., появляются и по-разному функционируют в различных исторических, социальных и географических контекстах. Поэтому с такой точки зрения нас прежде всего будет интересовать, какие именно средства культуры обеспечивали длительное функционирование подобных текстов, а также как именно изменялись последние в зависимости от различных контекстов.

В предисловии к нынешнему изданию монографии К.В. Чистов пишет, что она “была задумана и как фольклористическая работа, и как исследование исторической психологии русского крестьянства, без знания которой необъяснимы многие проблемы истории фольклора”. Представляется, что блестящее решение этой задачи применительно к истории и феноменологии двух крупных фольклорных циклов XVIII–XX вв. – легенд “об избавителях” и “о далеких землях” – стало возможным именно благодаря вышеописанной “динамической” концепции легенды. К.В. Чистову удалось наглядно показать, как “работает” фольклорный текст: каковы его генетические и функциональные связи с динамикой социально-экономических отношений, политической историей, социальной психологией различных сословных групп.

Я не буду пересказывать основные положения двух первых глав рецензируемого издания – они прекрасно известны всем специалистам, занимающимся фольклором и этнографией восточных славян, и неоднократно обсуждались в научной печати. Однако необходимо сказать несколько слов о третьей главе, посвященной эсхатологическим воззрениям старообрядцев и существенно дополняющей монографию 1967 г. Глава эта не вполне однородна: в ней есть заметки и материалы, дополняющие предыдущие разделы книги, в частности главу, где рассматриваются легенды “о далеких землях”. Однако здесь же присутствуют и очерки, прямо касающиеся социальной истории и эсхатологических воззрений русского старообрядчества. К.В. Чистов подробно описывает и анализирует основные формы старообрядческого эскапизма, а также их связь с эсхатологическими воззрениями старообрядческих лидеров. Эта проблематика представляется чрезвычайно важной, тем более, что она по-прежнему ставит перед исследователями ряд нерешенных вопросов. Как и многие другие исследователи русского раскола XVII в., К.В. Чистов исходит из того, что специфические ритуальные и поведенческие практики старообрядцев непосредственно обусловлены их эсхатологическим мировосприятием, отчаянием, ожиданием “последних времен” и т.п. Однако в данном случае резонен вопрос: всегда ли идеология первична по отношению к поведенческим практикам? Не исключено, что “эсхатологический”, или “эскапистский” тип поведения начал формироваться в крестьянской среде еще в первой половине XVII в. – до начала обрядовых споров и появления старообрядческой полемической литературы. Об этом свидетельствует и история последователей Капитона Даниловского, и памятники севернорусского эсхатологического визионерства: например, летопись о чудесах красноборского Нерукотворного Образа. Иными словами, возможно, что религиозная смута второй половины XVII в. была обусловлена не только литургическими разногласиями, а также текстами “Кирилловой книги” и “Книги о вере”, но и какими-то иными социальными и культурными факторами. Полагаю, что и в данном случае наблюдения К.В. Чистова станут важным стимулом для дальнейших исследований в области истории и культуры русского старообрядчества.

Одно из важных преимуществ книги К.В. Чистова в том, что она в равной степени важна и интересна как опытным специалистам, так и молодым исследователям, занимающимся вопросами русской истории и культуры, фольклористикой и этнологией. Можно только пожалеть, что тираж нынешнего издания составляет всего 800 экз. Впрочем, нет никаких сомнений, что эта монография еще не раз будет переиздана и в России, и за рубежом.

А.А. Панченко